Яков и Мирослава

Автор:
Евгения Михайлова

Яков и Мирослава

Евгения Михайлова

«Он потерял дар речи, когда увидел ее впервые. Все, что он по крупицам, по картинкам, мелким догадкам и тайным ощущениям знал о тайне женской прелести, все было собрано в ней одной. В новом коменданте их большого дома Мирославе Арсеньевне Игнатовой. Она была полноватой и в то же время стройной. У нее была высокая грудь, крутые бедра и сильные, плотные ноги. А в ее лицо Яков не мог долго смотреть, глаза слепило. Круглое, светлое, как луна в полнолуние, оно освещалось карими бархатными глазами с горячей золотистой глубиной. Рот был манящим и улыбчивым. Грудной голос мило произносил слова с картавым «р», как у маленькой девочки или француженки…»

Евгения Михайлова

Яков и Мирослава

Он потерял дар речи, когда увидел ее впервые. Все, что он по крупицам, по картинкам, мелким догадкам и тайным ощущениям знал о тайне женской прелести, все было собрано в ней одной. В новом коменданте их большого дома Мирославе Арсеньевне Игнатовой. Она была полноватой и в то же время стройной. У нее была высокая грудь, крутые бедра и сильные, плотные ноги. А в ее лицо Яков не мог долго смотреть, глаза слепило. Круглое, светлое, как луна в полнолуние, оно освещалось карими бархатными глазами с горячей золотистой глубиной. Рот был манящим и улыбчивым. Грудной голос мило произносил слова с картавым «р», как у маленькой девочки или француженки.

Яков понимал, что Мирослава так приветливо смотрит на всех и всем так дружелюбно улыбается. Но он не мог запретить себе надеяться на невероятную удачу: ему Мирослава улыбается теплее, чем всем остальным.

Яков стонал теперь по ночам не столько от боли, сколько от сознания своей увечности. Это было самой жестокой насмешкой судьбы: Яков встретил женщину мечты, когда стал инвалидом. Позади у него кошмарный год сплошного несчастья. Похоронив жену, болезненную, худенькую до прозрачности Валю, совсем не пьющий Яков слишком много выпил на поминках. Когда гости разошлись, он, не в силах выносить страшную пустоту квартиры, решил выйти за сигаретами. Было темно, ноги разъехались на льду. Он упал на спину, потерял сознание от невыносимой боли. Пришел в себя уже в больнице. Его готовили к серьезной операции. А дальше существование, похожее на страшный сон, помогало заглушить осознание потери. Физическая боль истребляла боль души.

Яков жил один, пару раз в неделю приходила работница. Приносила продукты и убирала. По воскресеньям приезжал навестить племянник. Яша учился преодолению, заново осваивал каждое движение, каждый шаг. Учился ходить, обслуживать себя. Он был очень чистоплотным и щепетильным. Даже стирал себе сам. Ему исполнилось сорок пять лет. И иногда он с ужасом думал: сколько еще таких мук впереди? Что делать, если он не сможет вернуться к работе? Как жить, если он не сможет выйти к людям?

Но он вышел, опираясь на палку. И со временем его покладистый, позитивный характер сумел и в этом состоянии примириться с судьбой. Яша уже был не один. Он стоял во дворе, а мимо шли похожие на него люди. Был обычно полдень. Все работающие давно уехали, мамы прокатили свои коляски в сторону детских площадок, собачники пробежали со своими питомцами. В домах оставались лишь те, для кого доступен путь до ближайшего магазина или лавочки. Если не через одного, то через три точно они испытывали тот же дискомфорт: хромали, опирались на палки, толкали перед собой жуткие «ходунки». И все встречали приветливый, заинтересованный взгляд симпатичного мужчины с голубыми глазами на загорелом даже зимой лице.

Яков был океанологом, ходил на научных судах в экспедиции. Считал своими коллегами всех ученых и моряков. А теперь его товарищами стали люди, которым дойти до магазина тяжелее, чем переплыть море.

Вскоре Яша стал центром маленьких собраний: его окружали, чтобы поговорить, поделиться, узнать новости. Он научился подчеркивать общность с любыми собеседниками, начиная с оборота: «Вот нам, инвалидам…» Или: «В нашем возрасте…» Второе не очень нравилось женщинам моложе восьмидесяти. Никто не думал о том, что Яша совсем недавно был молодым, сильным мужчиной. О том, что ни в каком кошмарном сне не видел себя инвалидом. Не очень ухоженный, давно не стриженный, с сединой, которая полезла сразу и внезапно, с сивой щетиной, которую не хватало сил каждый день брить, Яша стал человеком без возраста. Человеком стадии окончательного несчастья и поражения.

Он сумел примириться и прийти к выводу, что жизнь – это богатство и подарок в самой сложной ситуации. Человек, которому доводилось много часов пробираться, справляясь с болью, к собственной ванной, знает все о победах.

И Яков продолжал бы осваивать постепенно и кротко свой новый и странный мир, открывая маленькие радости. Но ему понадобилось зайти к коменданту. И он пропал.

По утрам сначала просыпался ясный мозг, потом тупая боль, которая продолжала терзать его сильное, когда-то тренированное и спортивное тело. Сначала он видел перед собой светлое лицо, похожее на молодую луну, потом свою тяжелую уродливую палку. Стакан с водой на тумбочке, гору упаковок с лекарствами, немытую пепельницу с окурками. Тоскливый запах мужского одиночества.

Яша никогда не решился бы зайти к Мирославе во второй раз, но она позвонила сама.

– Яков Михайлович, вы просили зайти насчет счетчика. Я как раз недалеко от вашего подъезда. Могу зайти посмотреть. Откройте мне.

И пока она шла, поднималась, он бестолково метался: прятал какие-то вещи, смахивал с чего-то пыль, передвигал нелепые перегородки, которые везде ставила его покойная жена. Они прожили вместе почти двадцать лет, и Валя все время тщательно прятала от мужа свою наготу. Свое тело подростка – почти без груди, с худыми бедрами, как у мальчика, и впалым животом. В этом животе не смог даже зародиться ребенок. Валя была почти невесомой. Яков очень ценил и

уважал ее образованность, человеческую порядочность. Он считал, что Вале с ее чистотой и искренностью нет равных среди людей. Его мужское желание больше напоминало нежность взрослого человека по отношению к беспомощному ребенку. А невероятная стеснительность жены заставляла его чувствовать себя рядом с ней неуклюжим животным. Все, что он помнит о близости с Валей, – это свои попытки не сделать больно, не быть тяжелым, не ранить откровенным взглядом или грубым прикосновением. И он, как святыню, оставил эти ее ширмы с японским рисунком. За ними она снимала дневную одежду, чтобы упаковать себя в вечернюю, которую затем там же сменяла на ночную.

Мирослава вошла, широко улыбнулась, сбросила у порога туфли на каблуке и пошла босиком к его туалету, цепляясь широкой юбкой за старую мебель. Яша, растерянный и растроганный, смотрел, как она села на крышку унитаза, надела очки, стала рассматривать цифры. Все, что она делала, казалось ему таким значительным, каждое движение и жест – исполненными особой красоты. А грудные нотки ее голоса, ее мягкое «р» действовали на него как расслабляющая мелодия.

Мирослава закончила с осмотром, прошла на кухню, стала ему что-то объяснять. Смысл совершенно не давался Яше, так кружилась голова от самой ситуации. Но он решился:

– Мирослава Арсеньевна, не выпьете со мной чаю? Я как раз купил вчера вишневое варенье.

– С удовольствием. Бегаю с утра, давно мечтаю перекусить. А можно я сначала воспользуюсь вашим туалетом?

– Конечно. Только, извините, дверь у меня сломалась. Рабочие вчера ее вынесли, я новую еще не заказал.

– Ерунда. Могу вам, кстати, посоветовать мастера.

Яша стоял в кухне, и все его чувства трепетали от того, что женщина мечты вошла в его туалет, как у себя дома. Он слышал, как шуршит ее юбка, как она смывает воду и моет руки. И все это казалось ему мучительно родным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/yakov-i-miroslava

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити